

Для цитирования: Мальцев Я. В. Философия как практика современности // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 80–85.

УДК 130.2

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОСТИ

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии, соискатель.
Российская Федерация, 625003,
г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Аннотация

Статья рассматривает философию как одну из необходимых практик субъективации, практик *epimeleia heautou* (заботы о себе), превращающую индивида в культуротворческого субъекта перманентной современности. Будучи личностно-переживаемым опытом, современность находится в тесной связи с философией, служащей техникой понимания, рефлексии и самоучреждения. Начинаясь с личностного уровня, философия переходит на уровень политический, уровень конструирования нового социального бытия из нового субъекта.

Ключевые понятия:
современность,
перманентная современность,
философия,
субъект,
политика.

Каждый человек, определяющий себя как любителя мудрости и согласно своим способностям пытающийся заниматься философией, рано или поздно определяет для себя, что есть то, чем он занимается: что есть философия. Он определяет ее основные понятия, терминологию, собственную систему воззрения на мир и, главное, интерпретацию мира. Иными словами, человек-философ создает собственную Книгу, в которой отражается универсум. В некотором роде каждый вступивший на путь философии оказывается берклианцем: он *творит* мир, интерпретируя его и встраивая в собственную умозрительную схему. Повторю достаточно банальную вещь: мир существует в восприятии человека (*esse est percipi*) и во многом таким, каким человек его воспринимает. Вне человека мира нет. Без человека дерево в лесу на самом деле не падает, потому как никому нет до этого дела. «Пространство, которому, кажется, ничего не нужно, на самом деле нуждается сильно во взгляде со стороны, в критерии пустоты. И сослужить эту службу способен только ты» [1, с. 134]. Вторжение в строго упорядоченный умозрительный универсум, выстроенный человеком, оказывается вторжением Реального: мир вовсе не то, что кажется, и нужно вносить поправки.

Разумеется, человек, который пишет Книгу, оказывается и автором, и героем Книги, иными словами, превращается в культурообразующего субъекта. Когда мы пишем, мы становимся Творцами, мы уподобляемся Богу, даже если в этот момент самого Бога выдумываем. Мы создаем свой мир, и этот мир, как минимум, определяет нас, наше поведение, а как максимум, начинает влиять на других: так «Крестный отец» М. Пьюзо повлиял на поведение американских гангстеров, а роман Л. Толстого «Война и мир» во многом создал те характеры, которые распространились по России после выхода эпоса в печать. Люди, которые *не пишут себя, не пишут Книгу, не создают Чегоуниверсум* – не являются субъектами культуры. Отсюда невероятная значимость философии и совершенная преждевременность разговоров о ее похоронах, излишечность подобных похорон со стороны власти. Напротив, основная задача интеллектуалов, задача культуры, задача оппозиции состоит в том, чтобы популяризировать философию: без философии нет субъективности, нет общества, нет гуманизации, нет культуры. И, разумеется, наивно ожидать популяризации философии от власти, т. к. задача любой власти – подрыв философии, подрыв мышления, ликвидация мысли. Власть будет приветствовать «смерть субъекта» и «смерть автора». Более того, охотно выступит

могильщиком того и другого. Единственный способ освобождения от Власти (я говорю о фуконианской власти, т. е. власти в расширенном, максимально широком ее понимании) – занятие философией.

В данной статье мне хотелось бы выдвинуть достаточно простой тезис: *философия есть необходимое условие современности и обязательная субъектообразующая практика.*

Безусловно, одной из важнейших субъектообразующих практик является психоанализ, посредством которого, как нам указывают и З. Фрейд, и Ж. Лакан, «субъект пишет собственную историю» [2, с. 27], однако философия расширяет написание истории и познание себя созиданием истории и конструированием себя. Иными словами, философия ответственна за «-измы», которые с разной степенью искажений, разной степенью вторжения Реального воплощаются *empeiria*.

1.

Мне хочется в своей мысли оттолкнуться от идеи А. Бадью (таким образом совершив жест *argumentum ad verecundiam*) о преждевременности смерти философского дискурса. На мой взгляд, философия не только не мертва, но она, во-первых, необходима, во-вторых, неизбежна, в-третьих, так же перманентна, как перманентна современность. Что есть современность в моем понимании?¹ Это столкновение субъекта с проблемностью собственного бытия, рефлексия над этой проблемностью и индивидуальное разрешение проблемы. Иными словами, *современность – это вызов, мысль и озарение.* Современность – это пребывание в *сейчас* и попытка это *сейчас* умозрительно ухватить.

Современность – это формирование культуры исходя из условий собственной экзистенции; это *социальное измерение экзистенции.* Современность предполагает субъективное восприятие пространства-времени и культурной матрицы, она преломляет то, что было, и то, что будет, в личностные условия и проект: отсюда субъективность научных парадигм и многовариантность будущего, основанного на интерпретации прошлого: *прошлое не дано нам как мертвое будущее, но только как основополагающая часть живого настоящего, из которого складывается завтра.*

Современность (говоря о современности, я говорю о перманентной современности, дабы отличать ее от остальных концептов) – акт творения, в котором субъект созидает культуру, находясь в полилоге с другими культурными субъектами. (При этом полилог вовсе не означает его необходимости

¹ Здесь я отталкиваюсь от мысли А. В. Павлова о современности как Я-субъективности [3].

в реальности. Полилог субъектов может вестись заочно, в разном пространстве, будучи разнесенным по времени. Так, например, Жижек ведет свой полилог с Гегелем и Лаканом, а Бадью – с Лаканом и Платоном; Джойс и Пруст при их единственной встрече оказались недовольными друг другом, но это не мешало им находиться на метафизической культурообразующей площадке и участвовать там в со-творении общей культурной матрицы Европы). Разумеется, что субъект при таком подходе оказывается тем, кто отличается творческим и волюнтаристским подходом относительно собственной жизни и жизни социальной: в себе самом он реализует собственный проект «Я», выводя этот проект во вне и воздействуя, подобно брошенному в воду камню, на культуру. Т. е. субъект – это человек, понятый возрожденчески, согласно представлениям Ренессанса.

Отмечу: если даже следовать идее Бергсона – Гуссерля – Хайдеггера, что интеллект противоположен бытию, т. к. помещает себя за границами бытия, а само бытие может постигаться только изнутри, только интуитивно, т. к. лишь таким образом возможно обнаружить бытие *как есть* в самом его основании (т. е. по-аристотелевски целостно), то и тогда должно продолжить мысль дальше и остановиться на том, что даже постигаемое (пусть так) интуитивно бытие мы вынужденно переводим на рациональный язык. Не только бытие и сущность не даны нам *как они есть*, но и их постижение возможно только в той мере, в какой нам наиболее целостно удастся его символизировать через собственный язык. Как компьютерная программа мы не воспринимаем сообщение таким, какое оно есть, но требуем его перевода на машинный, понятный нам язык. Даже постичь другого мы в состоянии только в той мере, в какой понимаем его язык, его логику, его способ выражаться. Это же относится к интуиции и бытию – они всегда требуют перевода и рационализации, совершаемых автоматически. Причем по мере взросления мы все больше и больше становимся рациональными, теряя непосредственность и чистоту восприятия ребенка, а потому нужно учиться пользоваться своим разумом с максимально доступной эффективностью. Именно это обосновывает необходимость и актуальность картезианского субъекта.

Именно в смычке субъекта и его попытки постичь мир (разумеется, «постичь мир» означает постичь истину этого мира, мир как вещь-в-себе, что невозможно, но потенциально) и рождается философия, вытекают все ее практики и направления. Можно сказать, что А. Бадью абсолютно прав, когда

говорит, что *родовыми путями философии* оказываются математика, поэма, политика и любовь, как прав он и указывая на субъекта, истину и бытие как на необходимые условия философии [4]. Разумеется, через указанные Бадью родовые пути субъект формируется и ищет: философия оказывается смесью поэзии и науки, черпая из одной сферы откровение и прозорливость, а из другой логику и факты, необходимые для интерпретации. Философия руководима, вдохновляема любовью, но нацелена на социальное пространство, на его переустройство, т. е. априорно занимается политикой, а философ оказывается по-сартровски ангажированным субъектом: он вынужден занимать определенную политическую платформу, даже если его политическая партия состоит из одного человека – самого философа. *Ключевыми же функциями философии оказываются* миропостижение в целостности, самоучреждение субъекта, конструирование социального фантазма (утопии, вектора) и критика идеологии – т. е. этика и политика, тесно связанные между собой: создавая себя как этического актора субъект неизбежно абсолютизирует эту модель в границах социума и культуры.

2.

Философия есть извращение мыслительной деятельности в том плане, что ее привычным инструментом является доведение любой идеи до логического конца, а логический конец, как известно, часто превращается в абсурд, показывая несостоятельность начала. Здесь комик (высмеивающий серьезное, чтобы не было так страшно) смыкается с философом, вскрывающим несостоятельность всякой иллюзии: иллюзии нации, иллюзии религии, иллюзии процветания, иллюзии яппи, иллюзии «Я». И лучший философ получается из Вуди Аллена.

Философия создана для подрыва. Она всегда деструктивна относительно существующего порядка вещей (именно потому множество философов находилось в андеграунде: Сократ, Спиноза, Фуко и проч.). Философия расшатывает, взрывает, выходит за рамки, не укладываясь в привычное или, как говорили еще древние негодующие афиняне, развращает юношество. (Обвинение Сократу в развращении молодежи выдвинули те самые древние афиняне, о чьих сексуальных привычках сегодня говорить опасно – обвиняют в пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений. Но, если бы Сократ занимался подобной пропагандой, древние афиняне его бы не трогали. Однако «извращением» и виной Сократа был не секс, а вмешательство в интеллектуальные

настройки афинян, предустановленные полисом и обществом.)

Настоящая философия *всегда не только отрицает существующее* (потому как мыслит шире), *но и пытается создать нечто новое.* Или не пытается вовсе. В любом случае существующим философия всегда недовольна: это либо пессимистическое недовольство, либо жизнерадостное, но так или иначе призывающее к изменениям. Философия всегда стремится заглянуть за грань, подмигнуть бездне и потом решить, как жить с увиденным дальше.

Философия индивидуальна, но интерсубъективна: развиваясь через личностное размышление она тесно связана с диалогом: это и возникновение мысли, и ее обсуждение, и верификация, и попытка реализовать на практике. В связи с этим философия обязательно логична: именно логичность отличает философию от мистического опыта и его производных. Это же делает философию научной и рациональной. Выходя за рамки рациональности, философия скатывается в эзотерику и перестает нас интересовать – картинки эзотерического опыта ни в коей мере не соответствуют реальности, а философию интересует истина. Даже если эта истина в конечном счете непознаваема. Даже если на пути к ней философ оказывается на весьма тонком рубеже между рациональностью и шизофренией. Даже если истина представлена во множественности.

3.

По синякам и ссадинам на лице философа всегда можно сделать вывод, что его высказывания никого не оставляют равнодушным, что по меньшей мере зерно истины в них имеется. Настоящий философ практически всегда бывает бит: либо как убитый фашистами Дж. Маттеотти («Я свою речь произнес. Теперь готовьте похоронную речь по мне» [5, с. 16]), либо как С. Жижек или Н. Хомский, находившиеся долгое время под «опекой» служб госбезопасности своих стран.

О том насколько опасна философия для господствующего Другого, для Большого Другого, как обозначает символический порядок власти Лакан, может говорить борьба с тремя главными идеями XIX в.: эволюцией Дарвина, критикой капитализма Маркса, психоанализом Фрейда. Как справедливо отмечает А. Бадью [6], на эти великие интеллектуальные диспозитивы сегодня (и изначально) обрушиваются различные типы консерватизмов, защищающих право господствующих классов на власть, деньги и ангельское происхождение. Философия расшатывает социальный порядок, делая очевидным фальшь

конструируемых государствами (аппаратом насилия господствующего класса по определению Ф. Энгельса [7, с. 176]) идеологий. Именно философия вскрывает сегодняшнюю ложь капитализма с его якобы либеральной утопией (свобода, равенство, братство), мультикультурализмом, демократией.

Философия дает человеку возможность задумываться (любить мудрость) и создает коридор социального протеста, коридор революций, коридор преобразований. Через создаваемую в философской мастерской теорию конструируется будущее: теория распространяется, упрощается, трансформируется, доходит до практиков, которые начинают действовать, образуя *множества*. За каждым явным социальным агентом стоит скрытый в тени философ. Философия обосновывает смысл практики и показывает вектор действия. Она тот камень, о который запнулся витязь перед выбором. Она та кухня, где в разговорах зарождается Проект.

Отсюда значимость философии – философия задает горизонты. И это горизонты того будущего, в котором мы будем жить; той картины мира, которую мы себе создадим; тех ценностей, которыми мы будем руководствоваться. Поэтому *с философией бесполезно бороться*. Как бы государства не пытались взять ее под контроль (в частности закрывая философские факультеты), но каждый человек – философ в силу самого обладания разумом: нам всем необходимы ценности, организующие нашу жизнь. Ценности – это наши маяки, наши флажки. Мы либо принимаем их пассивно: «Так сказал дядя из телевизора», «Так написано в министерском циркуляре», «Так сказал Президент»; либо мы создаем ценности сами. Но мы это делаем. Философия дает нам возможность самим устанавливать себе операционное обеспечение, не доверяя это дело программистам от Власти. Она избавляет нас от вокабул (гугенот, нация, враг народа, терроризм и проч.) – ими легко заклеить.

4.

Разумеется, философия не укладывается в норму. Философ по своей природе субъект девиантный, потому что свободный. А свободный человек не может вписываться в норму, т. к. норма – это инструмент господства, инструмент власти. Норма – это шаблон, в ее рамках творчество невозможно. Философ свободен от нормы: его мысль вольно перемещается, и он сам принадлежит себе, а не Большому Другому. Он не привязан и не связан, хотя бы ментально. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф. 10:28).

Поэтому человек, занимающийся философией, но при этом являющийся конформистом, не может быть философом. Просто в силу особенностей самой философии: как любовь к мудрости, как путь сверхчеловека (т. е. человека, пытающегося стать человеком, а не человеческим животным), она уводит нас на самую высокую гору (Ф. Ницше), а оттуда бюрократические и бизнес ценности кажутся мелочными, смешными и раздражительными, отнимающими ограниченное время жизни. Главное: философия призвана расширять границы и отменять их, она не консервирует, но выводит за пространство, переворачивает, обрисовывает горизонты, доводит до абсурда. Философия не вписывается в существующее, т. к. всегда настроена критически к имеющемуся, ищет идеальные формы будущего (создает утопии), расшатывает.

В связи с этим философия оказывается тесно связанной с современностью. *Современность есть социальная экзистенция философа*. В современности происходит Событие¹ – возникают проекты, которые конструируются философским разумом.

5.

Современность неизбежно является делом *политическим*. Цепочка следствий здесь очень проста: существуют социальные проблемы, требующие решения – эти социальные проблемы осмысливают люди, «которым нечего делать», кроме как мыслить: они создают проекты и выпускают их в социальное поле – проекты находят сторонников – сторонники образуют множества – множества сталкиваются между собой. Так рождается *политика*, а субъект современности превращается в субъекта истории, расширяясь до своего политического аватара.

Политика не есть мертвое повторение раз и навсегда устоявшихся процедур: выборов, обмена дипломатическими нотами и проч. Это не воспроизведение устоявшегося, и даже не воспроизведение «нового для нас» по лекалам, взятым «у них» – это не революция, не политика. Политика есть *внесение нового*, проект, побеждающий среди других таких же проектов в момент, когда массы, требуя перемен, выходят на улицы и «требуют невозможного», когда структуры рушатся, происходит разрыв. Политика должна предлагать что-то сверхновое. В этот момент современность актуализируется и все оказываются причастны ей. Становится возможным воскликнуть про «великолепный восход солнца» (Гегель).

Именно философия занимается производством политических знаков, которые

¹ Событие, по Бадью, – ситуация возникновения мириад новых возможностей [8].

впоследствии сталкиваются на площадях. Именно философия, служащая формированию субъекта как человека из человеческого животного, способствующая освобождению человека из-под ига Власти, оказывается необходимой и для формирования сил, выступающих за освобождение людей, для созидания общества, основанного на признании ценности индивида и его права быть таким, какой он есть, каким себя видит. Иными словами, философия причастна свободе, а политика – форма борьбы за эту свободу: если политика не ставит вопроса об освобождении, то это полиция¹.

Политика есть всегда радикализм, борьба за что-то принципиально иное против данного, выход за границы обыденного. Борьба за расширение демократии или за демократию в государствах Запада или третьего мира – это не есть политика. Политика – борьба за что-то новое, чему в настоящем, возможно, даже нет имени (но мы можем воспользоваться термином Маркса и обозначить это как коммунизм – развертывание некой неизвестной новой формации).

Политика в современности необходимо смыкается с этикой, как ее понимал Кьеркегор: как стадии, отличающей человека желающего от стадии человека целеполагающего, к цели двигающегося, представляющего собой самость, а не расщепленный субъект, марионетку маркетинга. Учредив самого себя (этика), субъект стремится распространить себя (политика) вовне, в социальное поле, поделившись с другими своими правилами жить, будь это свобода хиппи или тоталитаризм Кальвина. В новизне моего искусства жить, которое я рекомендую (навязываю) другим, рождается политика. «Рискуя показаться смешным, хотел бы сказать, что истинным революционером движет великая любовь», – писал товарищ Че. Столкновение разных картин рождает политическое поле с присущими ему борьбой, партиями, тумками. Но в основе всегда находится что-то представление о должном. В этом отношении эпоха метанарративов никуда не исчезла, как не исчез нарратив, например, капитализма.

6.

Таким образом, находящийся на полифокальной площадке [10] учредивший себя субъект, который после масштабной рефлексии и размышления о мире вырабатывает собственный проект мира и предлагает его бытию, одновременно оказывается критиком и оппозицией любой иной картине мира, кроме своей. Освобождаясь от навяз-

чивости мира, субъект выходит за границы навязываемого фантазма, понимаемого в качестве рамки, конструирующей социальную реальность. Любой подобный фантазм есть идеология, которую нельзя определить со всей отчетливостью, иногда она вообще аморфна, аморфна настолько, что говорят о ее отсутствии, но при этом она все равно существует. Как определяет С. Жижек: идеология – это «система, которая легитимизирует существующие отношения господства» [11]. Эти отношения касаются не только того, что исходит от политической власти, но и того, как организуются наши взаимоотношения с соседом на микроуровне. Механизмы социального и есть работа идеологии. Понимание этих механизмов и вскрытие социальных язв в случаях надобности (например, в случае распространения расизма) – пример работы философа-субъекта. В конечном счете, как писал У. Эко: «Первейший долг интеллигенции – критиковать собственных попутчиков» [12, с. 28]. Философия же оказывается той практикой, которая, начинаясь как мыслительные операции субъекта над собственным бытием, над своей экзистенцией, превращается в социально значимую Идею, диалектическое противостояние которых во времени и пространстве организует будущее, организует множества. Философия из *potentia* зачастую превращается в ангажированный политический *praxis*. Однако никогда не следует забывать, что за любой Идеей, за любым множеством находится Абсолютный дух, который есть не что иное, как *esse homo*.

1. Бродский И. Сочинения : в 4 т. Т. 3. СПб. : Пушкин. фонд, 1994. 448 с.

2. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 192 с.

3. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.

4. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

5. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М. : Эксмо, 2007. 592 с.

6. Бадью А. О современном обскурантизме // Strategium.ru. URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/8715-o-sovremennom-obskurantizme/> (дата обращения: 05.10.2017).

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М. : Гос. изд-тво полит. лит., 1961. 745 с.

8. Бадью А. Восточный ветер сбивает западную песь // Strategium.ru. URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyy-veter-sbivaet-zapadnyuyu-spes/> (дата обращения: 05.10.2017).

9. Рансьер Ж. Несогласие: политика и философия. СПб. : Machina, 2013. 192 с.

10. Павлов А. В. Полифокальная социология современности // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

¹ В данном случае я использую терминологию Ж. Рансьера [9].

11. Жижек С. Славой Жижек: «Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает» // Colta.ru. URL: <http://archives.colta.ru/docs/20836/> (дата обращения: 14.04.2018).

9. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб. : Симпозиум, 2003. 158 с.

References

1. Brodskij I. (1994) Sochinenija v chetyreh tomah. T. 3. Sankt-Petersburg, Pushkinskij fond, 448 p. [in Rus].

2. Lakan Zh. [Lacan J.] (1995) Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize. Moscow, Gnozis, 192 p. [in Rus].

3. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5–13 [in Rus].

4. Bad'ju A. [Badiou A.] (2003) Manifest filosofii. Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].

5. Jeko U. (2007) Polnyj nazad! «Gorjachie vojny» i populizm v SMI. Moscow, Jeksmo, 592 p. [in Rus].

6. Bad'ju A. O sovremennom obskurantizme. Available at: <https://www.strategium.ru/forum/topic/8715-o-sovremennom-obskurantizme>, accessed 05.10.2017 [in Rus].

7. Marks K., Jengel's F. (1961) Sochinenija. T. 21. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 745 p. [in Rus].

8. Bad'ju A. Vostochnyj veter sbivaet zapadnuju spes'. Available at: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyy-veter-sbivaet-zapadnuyu-spes>, accessed 05.10.2017 [in Rus].

9. Rans'er Zh. (2013) Nesoglasie: Politika i filosofija. Sankt-Petersburg, Machina, 192 p. [in Rus].

10. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1 (39), pp. 5–14 [in Rus].

11. Zhizhek S. Slavoj Zhizhek: «Ideologija – pustoe slovo, imenno pojetomu ona i rabotaet». Available at: <http://archives.colta.ru/docs/20836/>, accessed 14.04.2018 [in Rus].

9. Jeko U. (2003) Pjat' jesse na temy jetiki. Sankt-Petersburg, Simpozium, 2003. 158 p. [in Rus].

For citing: Maltsev Ya.V.

Philosophy as a practice of modernity // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 80–85.

UDC 130.2

PHILOSOPHY AS A PRACTICE OF MODERNITY

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
The Department Chair of Philosophy,
Degree-seeking student,
The Russian Federation, 625003,
Tyumen, ulitsa Semakova, 10.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Annotation

The article considers philosophy as one of the necessary practices of subjectification, practices of epimeleia heautou (self-concern), turning an individual into a cultural-creative subject of permanent modernity. Being a personally passing through experience modernity is in close connection with philosophy, which serves as a technique of understanding, reflection, and self-constitution. Starting with the personal level philosophy comes to the political level, level of constructing new social existence from a new subject.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
philosophy,
subject,
politics.